

РЕФЕРАТ

на тему:

«В чем отличие славянофилов и западников»

Выполнил: студент группы 43 ОГР
Клявзер Дмитрий

Проверил: преподаватель
Добрецова Е.Л.

Содержание:

Введение.....	3
Славянофильство.....	4
Понятие.....	4
А.С.Хомяков и И.В.Киреевский.....	4
Кружок славянофилов.....	6
Политико-правовые воззрения славянофилов.....	6
Западничество.....	10
Понятие.....	10
Представители: К.Д.Кавелин, Т.Н.Грановский.....	10
Политико-правовые воззрения западников.....	11
Заключение.....	12

Введение

На рубеже 30—40-х гг. в среде дворянской интеллигенции сложились два течения общественной и политической мысли под условными наименованиями славянофилов и западников, которые в лучших традициях русских просветителей и реформаторов обсуждали вопросы исторических судеб России, ее места и роли среди других народов, особенности ее политического и правового опыта в сравнительно-историческом сопоставлении с опытом Европы и народов Востока.

Тема самобытности истории России и ее политического опыта обсуждалась не впервые. Она ставилась и истолковывалась разработчиками темы Москва — третий Рим, затем Аввакумом, патриархом Никоном, Ю. Крижаничем, а в начале века также Карамзиным, декабристами, представителями просвещенной бюрократии. В этом же плане воспринималась формула режима правления при Николае I, выдвинутая министром просвещения С. С. Уваровым в виде триады «православие, самодержавие, народность». Самодержавие объявлялось главным устоем, обеспечивающим мощь и величие России; православие считалось соответственно основой духовной жизни; народность истолковывалась как проявление многовековой традиции патриархального единения народа со своим царем. Эта официальная теория усердно насаждалась в школах, университетах, в канцеляриях, в церкви и армии.

Славянофильство. Понятие

Славянофилы — представители либерально настроенной дворянской интеллигенции. Учение о самобытности и национальной исключительности русского народа, неприятие ими западноевропейского пути социально-политического развития, даже противопоставление России Западу, защита самодержавия, православия, некоторых консервативных, точнее — патриархальных, общественных институтов сближали их с представителями "официальной народности".

Однако славянофилов никоим образом нельзя приравнивать к представителям этого ретроградного направления. Славянофильство — оппозиционное течение в русской общественной мысли, и в этом смысле оно имело больше точек соприкосновения с противостоящим ему западничеством, нежели с теоретиками "официальной народности".

Славянофилы, как и западники, выступали за отмену крепостного права сверху и проведение ряда реформ — суда, администрации и др., буржуазных по своей сущности (хотя славянофилы субъективно выступали против буржуазного строя, особенно западноевропейского образца, с его "язвой пролетариата", падением нравов и другими отрицательными явлениями), ратовали за развитие промышленности, торговли, просвещения, за свободу слова и печати, не принимали николаевскую политическую систему.

Но противоречивость взглядов славянофилов, сочетание в их воззрениях прогрессивных и консервативных черт до сих пор вызывают споры об оценке славянофильства как идейного направления и о его месте в русской общественной мысли. Следует также иметь в виду, что и среди самих славянофилов не было единства мнений. Их споры между собой порой носили не менее острый характер, что с западниками.

Представители: А.С.Хомяков и И.В.Киреевский

Славянофильство как идейное течение русской общественной мысли заявило о себе в 1839 г., когда два его основоположника Алексей Степанович Хомяков и Иван Васильевич Киреевский выступили со статьями: первый "О старом и новом", второй — "В ответ Хомякову" (с несогласием некоторых положений Хомякова). В этих статьях, несмотря на разные подходы к проблеме прошлого, настоящего и будущего России, были сформулированы основные, общие для обоих авторов, положения славянофильской доктрины. Обе статьи не предназначались для печати, но широко распространялись в списках и оживленно обсуждались.

«Наша древность,— утверждал Хомяков,— представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собой. Однако обычаи старины, все права и вольности городов и сословий были принесены в жертву для составления «плотного тела государства», когда люди, охраненные вещественной властью, стали жить не друг с другом, а, так сказать, друг подле друга, язва безнравственности общественной распространилась безмерно, и все худшие страсти человека развились на просторе: корыстолюбие в судьях, которых имя сделалось притчею в народе, честолюбие в боярах, которые просились в аристократию, властолюбие в духовенстве, которое стремилось поставить новый папский престол».

Петр Великий сумел единым взглядом обнять все болезни отечества и «ударил по

России, как страшная, но благодетельная гроза». Удар пришелся по сословию судей-воров, по боярам, думающим о делах своего рода и забывающим родину, по монахам, ищущим душеспасения в кельях и поборов в городах, забывающим, однако, церковь, человечество и братство христианское. И тем не менее силы духовные принадлежат не правительству, а народу и церкви.

Увеличение размеров и вещественной власти государства привело к уничтожению областных прав, угнетению общинного быта (общины и области, привычные к независимости, стали угнетаться еще со времен федерации южных и северных племен под охраной дома Рюриков).

С Петра начинается новая эпоха — время сближения с Западом, который до этого был «совершенно чужд» России, и это движение не было действием народной воли. С этого момента «жизнь власти государственной и жизнь духа народного разделились даже местом их сосредоточения». Одна в Петербурге двигала всеми видимыми силами России, всеми ее формальными изменениями, другая (жизнь церковная) «незаметно воспитывает характер будущего времени, мысли и чувства, которым суждено облечься в полную, проявленную деятельность». Личность государства получает отныне вполне определенную деятельность, свободную от «всякого внутреннего волнения», в то время как «бесстрастное и спокойное начало души народной, сохраняя свои вечные права, развивается более и более в удалении от всякого временного интереса и от пагубного влияния сухой практической внешности».

Несомненной заслугой Хомякова явилось новое историческое истолкование традиционной темы о взаимоотношении государства и церкви и дополнение ее историческим обзором статуса крестьянской общины. Так расчищалась почва для обсуждения более фундаментальной для политического быта темы о соотношении общества и государства в русской и зарубежной истории.

Характерным для Хомякова оказался также интерес к меняющейся роли обычая и закона.

В ответном обращении к Хомякову Киреевский отметил неправильность постановки вопроса: была ли прежняя Россия хуже или лучше теперешней, где «порядок вещей подчинен преобладанию элемента западного». Если рассматривать основные начала жизни в России и на Западе, то сразу же обнаружится «одно очевидное общее» — христианство. И все же различия между ними также очевидны — в особенных видах христианства, в особенном направлении просвещения, в особенностях частного и народного быта.

Для подхода Киреевского стало характерным сравнение не только результатов развития отдельных элементов, но и восхождение историческое к началу складывания элементов, в частности просвещения и образованности.

Общий вывод Киреевского, как и Хомякова, сводился к тому, что в истории России действительно присутствует «взаимная борьба двух начал» и связана она с желанием «возвращения русского или введения западного быта», однако эта борьба все же предполагает «что-то третье». «Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т. п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь, какую-нибудь силою истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжении двухсот лет? Можем ли мы не знать того, что знаем, забыть все, что умеем?»

Конечно, и до этих статей различными представителями русской общественной мысли высказывались славянофильские идеи, но они тогда еще не обрели стройной системы. Славянофильство как идейное направление оформилось к 1845 г. — ко

времени выпуска трех, славянофильских по содержанию своих статей, книжек журнала "Москвитянин". Редактор журнала М. П. Погодин придерживался, как было сказано, консервативных взглядов, но он охотно предоставлял славянофилам печатать в нем свои статьи, так как правительство не разрешило им иметь свой периодический орган.

Кружок славянофилов

В 1839—1845 гг. сложился и славянофильский кружок. Его составляли высокообразованные и даровитые люди. Душой кружка был А. С. Хомяков — "Илья Муромец славянофильства", как его тогда называли, необыкновенно одаренный, энергичный и блестящий полемист, обладавший феноменальной памятью и исключительной эрудицией.

Все хорошо знавшие Хомякова отдавали должное этой "колоссальной личности", ставя его в один ряд с велика людьми России. "Хомяков! — восклицал историк К. Н. Бестужев-Рюмин. — Да у нас в умственной сфере равны с ним только Ломоносов и Пушкин!" "Ум сильный, подвижный, богатый памятью и быстрым соображением", — характеризовал Хомякова его оппонент в идейных спорах А. И. Герцен. Большую роль в кружке играли также братья И. В. и П. В. Киреев В кружок входила замечательная семья Аксаковых — братья Константин и Иван, позже в него вошли: их отец — известный русский писатель; публицисты А.И. Кош, Ю. Ф. Самарин — впоследствии они активно участвовали в подготовке и проведении реформ; ученые-публицисты Ф. В. Чижов и Д. А. Валуев.

Политико-правовые воззрения славянофилов

Славянофилы оставили богатое наследие в философии, литературе, истории, богословии, экономике. Иван и Петр Киреевские считались признанными авторитетами в области богословия, истории литературы, Алексей Хомяков — в богословии (в знании всех тонкостей богословия ему не было равных), Константин Аксаков и Дмитрий Валуев занимались русской историей, Александр Кошелев и Юрий Самарин — социально-экономическими и политическими проблемами, Федор Чижов — историей искусства. Сохранилось их колоссальное эпистолярное наследие, до сих пор еще полностью не изданное. Причем их письма представляли собой не столько документы личного характера, сколько трактаты и рассуждения на современные им общественно-политические темы. Дважды (в 1848 и 1855 гг.) славянофилы пытались оформить свои политические программы.

Для теоретического обоснования национального пути развития России славянофилы обращались к западноевропейской, главным образом, немецкой классической, философии. Особенно они увлекались сочинениями Шеллинга и Гегеля; им импонировала их трактовка исторического процесса.

Термин "славянофилы", по существу, случаен. Это название им было дано в пылу полемики их идейными оппонентами западниками. Сами славянофилы первоначально отреклись от этого названия, считая себя не славянофилами, а "русолобами" или "русософилами", подчеркивая, что их интересовала преимущественно судьба России, русского народа, а не славян вообще. А. И. Кошелев указывал, что их, скорее, всего следует именовать "туземниками" или, точнее, "самобытниками", ибо основная их цель состояла в защите самобытности исторической судьбы русского народа не только в сравнении с Западом, но и с Востоком.

Славянофильство как идейно-политическое течение русской общественной мысли сходит со сцены мерно к концу 70-х годов XIX в.

Основная идея славянофилов — доказательство самобытного пути и развития России, точнее — требование "идти" по этому пути. Община в представлении славянофилов — "союз людей, основанный на нравственном начале", — типично русское учреждение. "Община, — писал А. С. Хомяков, — одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его — не останется ничего; из его же развития может складываться целый гражданский мир". Община импонировала славянам тем, что в ней с ее регулярными переделами земель царит особый нравственный климат, который проявляется в "мирском согласии на мирском сходе", а в древности — на вече.

Развитию этих качеств как нельзя лучше способствует православная церковь. Она рассматривалась славянофилами как решающий фактор, определивший характер русского народа. Православная церковь, в отличие от рационалистического католицизма, никогда не претендовала на светскую власть, всецело ограничиваясь сферой веры и духа. Именно поэтому развитие России шло по пути "внутренней правды", нравственного совершенствования и "развития духа", в то время как на Западе — по пути "внешней правды", т. е. по пути развития формальной законности, "вовсе не заботясь о том, нравственен ли сам человек".

Славянофилы приняли версию о "добровольном призвании" власти как начальном моменте русской государственности. Вследствие этого власть здесь, в отличие от Запада, не противостояла народу, напротив, она была желанной защитницей, "званным гостем" народа, осознавшего необходимость установления государства. В России не сложились и классы в западноевропейском понимании этого слова.

В результате в русской истории не было социальной розни, внутренних потрясений. По мнению славянофилов, революционные потрясения в России невозможны и потому, что русский народ политически индифферентен. Он никогда не претендовал на политические права и государственную власть, жил в своем общинном мире, совершенствуя те высокие нравственные качества, которые ему свойственны. Власть, в свою очередь, выполняла присущие ей функции, не вмешиваясь в дела "земли" (мира), в необходимых случаях собирала земские соборы и спрашивала мнение "земли" по тем или иным общегосударственным вопросам. Эти силы развивались как бы параллельно, не вмешиваясь в дела друг друга. Поэтому между властью и "землей" установились добрые, патриархальные отношения.

Славянофилы стремились доказать, что русскому народу органически присущи социальный мир и неприятие революционных переворотов. Если и были смуты в прошлом, то они были связаны не с изменой высшей власти, а с вопросом о законности власти монарха.

Так народные массы восставали против "незаконных монархов: узурпатора вроде Бориса Годунова, самозванцев или: за "хорошего" царя. Славянофилы выдвинули тезис: "Сила власти царю, сила мнения — народу". Это означало, что русский народ (по своей природе негосударственный) не должен вмешиваться в политику, предоставив монарху всю полноту власти. Но и самодержец должен править, не вмешиваясь во внутреннюю жизнь народа, но считаясь с его мнением. Отсюда требование славянофилов созыва совещательного Земского собора, который выражает мнение народа, выступает в роли "советчика" царя. Отсюда также и требование свободы слова и печати для свободного выражения общественного мнения.

Защита самодержавия как наиболее приемлемой для русского народа формы власти уживалась у славянофилов с критикой конкретного носителя этой власти и его

политической системы, в данном случае Николая I.

Так, Аксаковы называли его царствование "душевредным деспотизмом, угнетательской системой", а его самого — "фельдфебелем" и "душителем", который "сгубил и заморозил целое поколение" и при котором "лучшие годы прошли в самой душливой атмосфере". Ф. В. Чижов распространял свое нелестное мнение вообще на всю династию "Романовых-Готторпских". "Немецкая семья два века безобразничает над народом, а народ терпит", — с горечью писал он. Здесь звучало и его ущемленное чувство русского, подчиненного произволу "немецкой" династии. Славянофилы даже допускали мысль об ограничении самодержавия, но считали, что в России пока нет еще такой силы, которая была бы способна это сделать. Не может ограничить самодержавие и представительное правление, ибо в нем главную роль будет играть дворянство — "самое гнилое у нас сословие". Поэтому самодержавие в данный момент в России необходимо.

Славянофилы справедливо обижались, когда оппоненты называли их ретроgrадами, якобы зовущими Россию назад. "Передовой боец славянофильства" К. С. Аксаков писал в ответ на эти обвинения: "Разве славянофилы думают идти назад, желают отступательного движения? Нет, славянофилы думают, что должно воротиться не к состоянию древней России (это значило бы окостенение, застой), а к пути древней России. Славянофилы желают не возвратиться назад, но вновь идти прежним путем, не потому, что он прежний, а потому, что он истинный". Поэтому неверно считать, что славянофилы призывали вернуться к прежним допетровским порядкам. Наоборот, они звали идти вперед, но не по тому пути, который избрал Петр I, внедрив западные порядки и обычаи.

Славянофилы приветствовали блага современной им цивилизации — распространение фабрик и заводов, строительство железных дорог, внедрение достижений науки и техники. Они нападали на Петра I не за то, что он использовал достижения западноевропейской цивилизации (это они считали его заслугой), а за то, что он "свернул" Россию с ее "истинных" начал. Они полагали, что заимствуя у Запада полезное, можно было бы вполне обойтись без ненужной ломки коренных русских устоев, традиций и обычаев.

Таким образом, славянофилы вовсе не считали, что будущее России в ее прошлом. Они призывали идти вперед по тому "самобытному" пути, который гарантирует страну от революционных потрясений. Характерно, что крепостное право они считали одним из "нововведений" Петра I (хотя и не западным) и выступали за его отмену не только из экономических соображений — считали его очень опасным в социальном смысле. "Из цепей я куются ножи бунта", — писал К. С. Аксаков.

А. И. Кошелев в 1849 г. даже задумал создать "Союз благонамеренных людей" и составил программу "Союза", предусматривавшую постепенное освобождение крестьян с землей. Эту программу одобрили все славянофилы.

Петровская европеизация России, как считали славянофилы, коснулась, к счастью, только верхушки общества — дворянства и "власти", но не народных низов, прежде всего, крестьянства. Вот почему такое большое внимание славянофилы уделяли простому народу, изучению его быта, ибо, как они утверждали, "он (народ) только и сохраняет в себе народные, истинные основы России, он только один не порвал связи с прошедшей Русью". В изучении народных традиций и быта особенно значительный вклад внес П. В. Киреевский. Однако "Песни, собранные Киреевским", из-за цензурных стеснений не могли появиться в печати в николаевскую эпоху и были

опубликованы в 10 томах уже в пореформенное время.

Правительство настороженно относилось к славянофилам, видя в их учении "признаки вредного политического движения". Им запрещали демонстративное ношение бороды и русского платья, усматривая в этом некий "тайный умысел". Некоторых славянофилов за резкость высказываний подвергали арестам. Так, в 1847 г. был арестован Ф. В. Чижов, подозреваемый в политическом либерализме, в заговоре в пользу австрийских славян и в связях с украинским Кирилло-Мефодиевским обществом. Он подвергся допроса* III отделения, но за отсутствием улик вскоре был освобожден. В 1849 г. были арестованы и посажены на несколько месяцев в Петропавловскую крепость И. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин. Самарина допрашивал сам Николай I, считавший, что он и его единомышленники "поднимают общественное мнение" против правительства тем самым "готовят повторение 14 декабря". Арестованные сумели доказать свою благонадежность, и царь дал такое о них распоряжение шефу жандармов А. Ф. Орлову: "Призови, вразуми и отпусти". В условиях усиления реакционного политического курса период "мрачного семилетия" (1848—1855) славянофилы вынуждены были на время свернуть свою деятельность.

К концу 50-х годов уже не было в живых основных участников прежнего славянофильского кружка — А. С. Хомякова, И. В. и П. В. Киреевских, С. Т. и К. С. Аксаковых, Д. А. Валуева. На сцену выступили А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский, которые приняли активное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы. Видным публицистом и издателем в пореформенное время стал И. С. Аксаков. Характерно, что славянофильство было явлением исключительно "московской" общественной жизни.

Западничество. Понятие

Западничество, как и славянофильство, возникло на рубеже 30—40-х годов XIX в. Оно было представлено "обеими столицами" — Москвой и Петербургом. Московский кружок западников оформился (в спорах со славянофилами) в 1841—1842 гг., в Петербурге же находились немногие представители западничества, и какого-либо сложившегося кружка его единомышленников не существовало.

Современники трактовали западничество очень широко, относя к ним вообще всех, кто противостоял в идейных спорах славянофилам. В западники наряду с лицами, придерживавшимися весьма умеренных взглядов, такими, как П. А. Анненков, В. П. Боткин, Н. Х. Кетчер, В. Ф. Корш, зачислялись также и те, кто придерживался радикальных воззрений, — В. Г. Белинский, А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Впрочем, Белинский и Герцен в своих спорах со славянофилами сами называли себя "западниками".

Представители: К.Д.Кавелин,Т.Н.Грановский

По своему социальному происхождению и положению большинство западников, как и славянофилов, относились к дворянской интеллигенции. Западниками были известные профессора Московского университета: историки Т. Н. Грановский и С. М. Соловьев, правоведы М. Н. Катков и К. Д. Кавелин, филолог Ф. И. Буслаев, а также видные писатели — И. И. Панаев, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, позднее — Н. А. Некрасов.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) — один из основателей (совместно с С. М. Соловьевым и Б. Н. Чичериным) так называемой государственнической школы в истолковании истории России. Согласно его представлениям, основу и движущую силу исторического процесса образует борьба личности за свободу и «постепенное изменение» общественных форм — от родовых отношений к семейным, которые, в свою очередь, уступили высшей форме общественных отношений — государству. Россия шла тем же историческим путем, что и Западная Европа, но отстала от нее и потому должна прибегать к заимствованиям достижений цивилизации.

В этом смысле реформы Петра I двинули Россию по пути европейского развития в сторону свободы и управления с помощью «современных актов и законов». Оправдание эпохи петровских реформ — в ее целях, поскольку средства дала, навязала ей сама старая Русь. В отличие от славянофилов Кавелин считал, что наряду с общинным индивидуальное начало все-таки присутствовало и до Петра и привело к постепенному созданию у нас общественности и юридической гражданственности, хотя и в неразвитой форме «умственной, нравственной и гражданской культуры».

С более радикальных философско-исторических позиций критиковал славянофилов Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855), для которого историческое развитие всегда сопровождается борьбой разнородных сил и каждую эпоху отделяет от другой «резкое различие», в том числе войны и революции (например, завоевания древних германцев, Французская революция XVIII в.). Историческое развитие бесконечно, поскольку вечно новы противоположности и никогда они не возвращаются к прежним пунктам, «из борьбы их исходят вечно новые результаты».

Об интересе знаменитого профессора всеобщей истории в Московском университете к отечественной истории свидетельствует его публичная полемика с литературными распространителями доктрины «официальной народности» (Погодиным, Шевыревым) и славянофилами, а также его критика некоторых упрощенных западнических воззрений на прошлое России.

Так, в речи Грановского перед студентами 1845 г. в связи с началом курса по истории средневековья содержится прямое указание на основных идейных оппонентов: «И вам, и мне предстоит благородное и, надеюсь, долгое служение России — России, идущей вперед и с равным презрением внимающей клеветам иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам, без всякого собственного содержания, и старческим жалобам людей, без всякого собственного содержания, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак».

Политико-правовые воззрения западников

Западники, в отличие от славянофилов, по-иному судили о путях развития России. В противоположность славянофилам они доказывали, что Россия хотя и "запоздала", но идет по тому же пути исторического развития, что и все западноевропейские страны, ратовали за ее европеизацию.

В отличие от славянофилов они отрицали самодержавную власть монархию и выступали за конституционно-монархическую форму правления западноевропейского образца, с ограничением власти монарха, с гарантиями свободы слова, печати, неприкосновенности личности, с введением гласного суда. В этом плане их привлекал парламентарный строй Англии и Франции, вплоть до идеализации его некоторыми западниками.

Как и славянофилы, западники выступали за отмену крепостного права сверху, отрицательно относились к самодержавно-бюрократической системе николаевского царствования, противоположность славянофилам, западники решающее значение отводили разуму. Они выступали за самоценность человеческой личности как носителя разума, противопоставляли свою идею свободной личности славянофильской идее корпоративности (или "соборности"), западники возвеличивали Петра I, который, как они говорили, Россию.

Деятельность Петра I они рассматривали как первую фазу обновления страны; вторая, по их мнению, должна начаться с проведения реформ, которые явятся альтернативой пути революционных потрясений. Профессора истории и права (например, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин) большое значение придавали роли государственной власти и стали основоположниками так называемой "государственной школы" в русской историографии. Здесь они основывались на схеме Гегеля, считавшего государство творцом развития человеческого общества.

Свои идеи западники пропагандировали с университетских кафедр, в статьях, печатавшихся в "Московском наблюдателе", "Московских ведомостях", "Отечественных записках", позже в "Русском вестнике" и "Атенее". Большой общественный резонанс имели читаемые Т. Н. Грановским в 1843—1851 гг. циклы публичных лекций по западноевропейской истории, в которых он доказывал общность закономерностей исторического процесса России и западноевропейских стран. По словам Герцена, Грановский "историей делал пропаганду". Западники широко использовали московские салоны (Елагиных, Свербеевых, Чаадаева и др.), где они "сражались" со славянофилами и куда съезжалась просвещенная элита московского общества, "чтоб посмотреть, кто из матадоров кого отделает и как отделают его самого". Разгорались жаркие споры. Особенно изощрялся в полемическом задоре и остроумии Герцен. Выступления заранее готовились, писались статьи и трактаты. Это была отдушина в мертвящей обстановке николаевской России. III отделение было хорошо осведомлено о содержании этих споров через своих агентов, аккуратно посещавших салоны.

Заключение

Не смотря на различия в воззрениях, славянофилы и западники выросли из одного корня. Почти все они принадлежали к наиболее образованной части дворянской интеллигенции, являлись крупными писателями, учеными, публицистами.

Большинство их — воспитанники Московского университета. Теоретической основой взглядов и тех и других была немецкая классическая философия. И так же как и других волновали судьбы России, пути ее развития, хотя они понимали их по-разному.

Герцен писал впоследствии об известной условности деления на славянофилов и западников по той простой причине, что все они были патриотами своего народа и отечества - "Мы, как двуликий Янус, смотрели в разные стороны, но сердце у нас билось одно".

Их объединяло, по крайней мере в начальный период, решительное осуждение крепостного рабства и административно-судебного произвола, а также боязнь того, что если перемены не придут сверху, то переворот явится снизу. В этом отношении они близки в отдельных пунктах своих политических программ и декабристам и народникам.

Так, существовавшая в 1845—1847 гг. в Киеве тайная религиозно-политическая организация (Кирилло-Мефодиевское общество) унаследовала от декабристов идею республиканизма и сближалась со славянофилами в провозглашении христианского учения исходным началом и основанием для «правления, законодательства, права собственности и просвещения».

После реформ 60-х гг. острота разногласий между славянофилами и западниками утратила свое былое значение.

Славянофильство эволюционировало в сторону почвенничества и сблизилось во многом с консервативными противниками реформ, однако значительная часть их ожиданий и надежд в отношении русской общины была воспринята идеологами «русского социализма» (Герцен, Чернышевский и др.).

Для славянофильства 70—80-х гг. характерны известная инертность и идейный догматизм. В этот период они становятся критической мишенью для русских марксистов и наиболее дальновидных консерваторов. Константин Леонтьев, один из наиболее талантливых выразителей трагизма социальной и политической ситуации в пореформенной России, склонный в какой-то момент даже к «монархическому социализму», заметил однажды в отчаянии: «Аксаков во время пожара читает благородную лекцию о будущей пользе взаимного страхования любви». В XX в. вопрос о самобытности русской истории вновь актуализировался в связи с социалистическим экспериментом и таким образом вопрос Хомякова и Киреевского о том, «что такое Россия, в чем ее сущность, призвание и место в мире» (Н. А. Бердяев), получил новые истолкования и новые оценки.

Список использованной литературы:

1.«История политических и правовых учений» под редакцией доктора юридических наук, профессора В.С. Нерсесянц
Москва, 2000 г.

2.Сборник лекций «Русская общественная мысль»
Москва, 1999 г.

3.Большая Советская Энциклопедия